

«нелицеприимной благородства» Таковы были взгляды человека, занимавшего постъ посла Велико-

британіи въ Берлинѣ въ 1936-39 годахъ *).

Б. Николаевскій.

Вторичное варварство

Каждая эпоха имѣетъ свой собственный жизненный стиль. Однимъ изъ его наиболее значительныхъ показателей служить рѣчь: ея строй, ея ритмъ, чаще всего употребляемые слова и обороты. Въ этомъ отношеніи особенно поучителенъ языкъ советской печати (въѣд СССР вовсе не какой-нибудь особый, отрѣзанный отъ всѣхъ остальныхъ міровъ, міръ: въ немъ торжествуютъ тѣ духовныя тенденціи, которыя, — пора осознать это — присущи, въ смягченномъ или скрытомъ видѣ, всему нынѣшнему человѣчеству, всей «Европѣ», — ибо весь свѣтъ сталъ сейчасъ «Европою»). Я останавлиюсь покуда исключительно на советскихъ газетахъ: въѣд газета ведѣтъ въ наше время вытѣсняетъ

книгу; газета вмѣстѣ и создаетъ нынѣшній «климатъ» и отражаетъ его. Начну съ того, что первымъ бросается въ глаза. Это обиліе такихъ эпитетовъ какъ замѣчательный, незабываемый, колоссальный, изумительный, восхитительный. Нѣтъ ничего обыкновеннаго или просто хорошаго, значительнаго, интереснаго. Всякій случай — событіе и притомъ такое, которое никогда не забудется, безпримѣрное. Когда повѣствуется о какомъ-нибудь собраніи — все равно, въ колхозѣ-ли, въ Академіи Наукъ, — а такія и подобныя собранія устраиваются покуда чуть-ли не каждый день — обязательно отмѣчается. «никогда еще не было такъ многолюдно въ помѣщеніи...» Полная аналогія съ былинами, рыцарскимъ эпосомъ,

*) Рецензія эта была уже на брана, когда мнѣ стало извѣстно начало воспоминаній Н. Гендерсона, только что опубликованное въ «Дейли Геральдѣ». Въ этихъ воспоминаніяхъ Гендерсонъ рассказываетъ о симпатіи, которую онъ питалъ къ Герингу и о своей дружбѣ съ послѣднимъ. Въ томъ, что для Геринга эта дружба была ловкой игрою, сомнѣваться невозможно. Она, несомнѣнно, была одной изъ составныхъ частей той кампаніи по дезориентации будущаго противника, которую велъ Гитлеръ и о которой мы теперь знаемъ подробности по расска-

замъ Раушнинга. Сообщаетъ Гендерсонъ и о томъ, какіе проекты соглашенія Англіи и Германіи ему развивалъ Герингъ: это были по существу проекты раздѣла Европы. Германія общалась не только признать господствующее положеніе Англіи на моряхъ, но и поставить въ ея распоряженіе всѣ свои силы; въ обменъ на это Англія должна была признать преобладающее положеніе Германіи на континентѣ, и не предпринимать ничего, что могло бы помѣшать ея легальной экспансіи... Обь итогахъ этой игры въ дружбу напоминать не слѣдуетъ.

или гомеровскими пѣснями, гдѣ асѣ герои богоподобны или богоравны, гдѣ всякая женщина красавица, какой еще никогда не свѣтъ не было и т. п. Это характерный для фольклора, для примитивной поэзии, приемъ интенсификации, преувеличенія. Въ соответствии съ этимъ и построение рѣчи: «Обширный клубъ Моск. Института инженеровъ связи. Ярко горятъ люстры. Играетъ оркестръ. Партеръ и бельэтажъ переполнены, а люди, веселые и нарядные, въ праздничныхъ платьяхъ, продолжаютъ идти». Сперва короткія, отрывочныя фразы, вступительныя акорды, послѣ которыхъ плавно развивается «тема». Поэзия въ прозѣ. Нерѣдко также совмѣтъ «былинный» порядокъ словъ: «богато убранъ избирательный участокъ. Плакаты, портреты, цвѣты принесенъ сюда избиратели». Или еще: «Возродилось сельское хозяйство республики, зацвѣли необозримыя колхозныя поля...» Повѣствователь не просто «высказывается», а «вѣщаетъ» или «поетъ». Репортеръ выполняетъ функцію «барда» Любопытны также свойственные примитивной поэзии антитетическія сравненія житейскихъ отношеній съ тѣмъ, что относится къ міру «природы», или же подобнаго рода метафоры. «Въ засяѣженной морозной столицѣ паритъ сейчасъ весеннее оживленіе». Полнота аналогій еще и въ томъ, что такія, и подобныя, «фигуры» постоянно повторяются, какъ опять-таки въ «народномъ» эпосѣ. Въ томъ-же номерѣ «Извѣстій», откуда эта цитата, въ другой статьѣ находимъ: «Чудесные, незабываемые дни переживаетъ наша родина. Календарь показываетъ декабрь, зима въ при-

родѣ вступаетъ въ свои права, но въ человѣческихъ сердцахъ расцвѣтаетъ весна» (это оттого, что «завтра — выборы!»). Однимъ изъ наиболѣе употребительныхъ средствъ «интенсификации», напора, усиленія впечатлѣнія, является въ примитивной поэзии, какъ извѣстно, приемъ повторенія — однихъ и тѣхъ-же выраженій, эпитетовъ или-же «зачиновъ», припѣвовъ и т. д. И это тоже, и въ такой-же мѣрѣ, характерно для стили сов. газеты: «Сталинъ, партія привели народъ къ социализму... Сталинъ, партія ведутъ народъ къ сияющимъ вершинамъ коммунизма». И далѣе: «Народъ славить Сталина словами, идущими изъ глубины сердца. Народъ ставитъ Сталина дѣлами, рожденными творческимъ трудомъ». Какъ объяснить этотъ возвратъ къ «фольклорному» стилю? Быть можетъ, это просто свѣдѣніе приспособленія къ требованіямъ социальнаго заказа? Въ такомъ случаѣ газетный работникъ оказывается въ положеніи, сходномъ съ тѣмъ, въ какомъ былъ Гоголь, когда онъ заставлялъ самъ себя изображать то, для воспріятія чего онъ былъ лишентъ органа, — прекрасное, совершенное, гармоничное, и когда, въ силу этого онъ былъ вынужденъ пользоваться тѣми-же самыми средствами экспрессіи, какія для цивилизованнаго, вышедшаго изъ примитивной стадіи, сознания, являются средствами выраженія лишь того, что воспринимается какъ противоположность совершеннаго, гармоничнаго. Величайшій мастеръ шаржа, гротеска, Гоголь оставался вѣреть себѣ и тогда, когда онъ говорилъ о Римѣ, о Красавицѣ Аннуциатѣ, о до-

бродячьи губернаторы. Получалось нечто абсурдное — карикатура на прекрасное, совершенное. Но Гоголь несомненно чувствовал свое бессилие здесь, и не выдерживал взятого тона, спалал с него. Думается, что такого судьба также и любого исполнителя «социального заказа». Ведь даже Булгарину необходимо было, когда он над таким заказом работал, отдохнуть, даже он постоянно отпускал педаль, переходил от «высокого» слога к «среднему» или «низкому». Вбрызги, к сожаленью, другое. Надо принять во внимание, что советский режим действует уже больше двадцати лет, т. е. что сейчас историю делают люди, в этом режиме воспитанные и воспитание. Сознание «среднего человека» есть результат преимущественно внешних воздействий, внушений, полученных в детстве и в юности, привычек, ежедневных восприятий. Речь этого среднего советского человека, поскольку о ней можно судить по советской печати, есть действительно его речь, отражающая его сознание. А это значит, что его сознание «современное» сознанию Агамемнона, или Нибелунгов, или Ильи Муромца. Это примитивное сознание, родное инфантильному, сущность которого сводится к отсутствию «переживания дистанции между Я и не-Я, между великим и малым, обычным и необычным». Об этом много писано, но лучше всего формулировать это один из умнейших людей XVIII-го века. Ривароль: «Ребенок кричит или поет, когда ему чего-либо хочется; ласкает или разбивает все, чего ни кос-

нется, и плачет, что бы он ни потерял». И даже: «Ничто не удивляет, если всему удивляться: таково состояние ребенка». Вторичное варварство! Нищие мечтали о нем. Сейчас стало ходячим твердить о его опасности. Но и для Нищие и для тех, кто «вторичного варварства» боится, оно представляется приблизительно в таком виде: не будет наук и искусств, больше того — исчезнет грамотность, а может быть и умение высказываться членораздельно; исчезнут железные дороги, радио, резиновые галоши, очки, папирозы, стило и все прочее подобное. Это сомнительно и во всяком случае не в этом суть дела. Пока что науки и искусства живы и здоровы, «достижений» всюду сколько угодно — и в этом отношении повидному СССР, действительно, идет вперед. И если залогом «прогресса» или неприкосновенности цивилизации считать непрерывность культурной традиции — что бесспорно —, а под этим разуметь знакомство с веками накопившимся материалом, то опять-таки надо признать, что в СССР никаких признаков «варварства» не замечается. Напротив: неграмотных стало гораздо меньше, чем до Революции, классики издаются так и в таком количестве, как никогда раньше и т. д. «Вторичное» варварство — нечто совсем другое нежели «первичное». Между ними — глубокое внутреннее родство, а не внешнее сходство. Примитивный мир, в котором пребывал человек, был очень мал: это был клан, род, дружина, гомеровское «парство», т. е. попросту хутор или

помѣстье, «дворянское гнѣздо». За этимъ миромъ не существовало ничего, или почти ничего, кромѣ такого-же «дворянскаго гнѣзда». У человѣка не было никакихъ матеріаловъ для сравненія, поскольку «чужое», входившее въ его поле зрѣнія, было такое-же какъ «свое». Поэтому и себя онъ не могъ представить себѣ иначе какъ вмѣстѣ съ этимъ всемъ «своимъ». Мозгъ Роланда, или Гомеровскаго «царя», былъ ничуть не бѣднѣе «извилинами», чѣмъ мозгъ современнаго человѣка. Недоставало только бытовыхъ условий, необходимыхъ для того, чтобы въ его сознаніи возникла проблема сомнѣнія противоположностей, ибо таковыхъ не было. Вотъ почему онъ, подобно ребенку, «ничему не удивлялся», ибо «удивлялся всему одинаково». Все происходящее было повтореніемъ уже бывшаго. Отсюда — отсутствіе чувства мѣры, безъ чего невозможна гармонія, т. е. согласованіе разнообразнаго, разнокачественнаго, разнороднаго. Различіе усматривается только между «хорошимъ» и «дурнымъ», причѣмъ «хорошее» это — «свое», а «дурное» — «чужое». Отсюда и тѣ инфантильныя особенности поведения, о которыхъ говоритъ Ривароль. Отсюда въ примитивномъ творчествѣ господство приемовъ амплификации, интенсификаціи, преувеличенія, повторенія. Современная техника упразднила пространство, а современная социальная демократія уничтожила горизонтальныя перегородки, увидѣла качественныя различія въ обиходѣ «господъ» и «простыхъ людей», оставивъ только количественныя. Миръ идетъ къ тому, чтобы обратиться цѣлкомъ въ

нѣчто подобное «царству» Альяноя, или феодальному клану, или средневѣковой городской общинѣ. Покуда онъ распадается на рядъ подобныхъ же мировъ. Сознаніе средняго человѣка въ каждомъ изъ нихъ охвачено идеей своей полной причастности къ нему. Этотъ его миръ для него — единственно сущее, абсолютная, неизмѣнная реальность, и вмѣстѣ — абсолютное благо. Въ выполненіи имъ, этимъ человѣкомъ, функции переживаются имъ не какъ индивидуальныя, а какъ общественныя, государственныя, національныя. Онъ ѣсть и пьетъ, женится, рождаетъ дѣтей, читаетъ, слушаетъ радио, играетъ въ футболъ, не для себя и не по своему, по своей волѣ: всемъ этимъ онъ проявляетъ свою причастность къ «сущему»; «сущее» во всемъ этомъ дѣйствуетъ въ немъ и посредствомъ его Отсюда ритуальный, обрядовый характеръ всѣхъ этихъ функций — какъ въ Библии, въ Иліадѣ и въ Одиссееѣ, гдѣ люди ѣдятъ, пьютъ, совокупляются съ такой-же важностью, съ такимъ-же благоговѣніемъ, съ какимъ хоронятъ своихъ покойниковъ, молятся богамъ или бьются съ врагами. Вотъ въ чемъ вторичное варварство. Какъ почти весь цивилизованный миръ пришелъ къ нему? Здѣсь дѣйствовалъ цѣлый, сложнѣйшій комплексъ временныхъ, въ извѣстномъ отношеніи случайныхъ, условій. Каждое изъ нихъ болѣе или менѣе извѣстно всякому, такъ что напоминать о нихъ незначѣтъ. Однако, обычно они либо принимаются за единственный рѣшающій факторъ, либо совсемъ оставляются безъ вниманія. И то и другое одинаково показательно, какъ сейчасъ увидимъ.

Пора вторичного варварства наступила внезапно, и сами организаторы послѣдственных революцій считали, что ихъ дѣло — «скачекъ» въ ношій зонъ. Въ действительности элементы «варварства», наивковъ примитивнаго, инфантильнаго сознания, никогда не были изжиты нацѣло «цивилизованнымъ» человечествомъ. Обиходный ритуализмъ во всѣхъ сферахъ житейскихъ отношеній, магическая религиозность, «науковѣрие, и столько еще другого! Въ особенности антропоморфическія, «субстантивирующія» концепціи такихъ величинъ какъ классъ, раса, нація. Наше время всего только моментъ «насыщенія», «исполненія», когда соответствующія духовныя тенденціи выступаютъ на первый планъ, осуществляются со всей послѣдовательностью. Люди, которые утверждаютъ, что итальянцы не могутъ повѣрить Гитлеру, такъ какъ они на своей шкурѣ испытали, что такое нѣмецкое вѣроломство, когда Армія устроила въ Тевтобургскомъ лѣсу ловушку легіонамъ Квинтія Вара, вмѣстѣ съ этимъ съ полной искренностью возмущаются расистскими гоненіями на евреевъ. Они не замѣчаютъ, что ихъ сознание въ такой-же мѣрѣ поработило инфантильными представленіями, наследіемъ «первичнаго» варварства, какъ и «расистское». И они не видятъ, какими опасностями угрожаетъ міру подобнаго рода пропаганда. Кто считаетъ «причиной» того, что привело всю среднюю и восточную Европу въ состояніе вторичнаго варварства, «Версаль», Лигу Націй, «расизмъ», «коммунизмъ», и т. д., не принимаетъ въ соображеніе что всѣ эти условія сами по себѣ только сы-

грали роль возбудителей до того жившихъ въ глубинахъ массово-го сознания инфантильных, «варварскихъ» влеченій и представленій. Тотъ, кто, игнорируя эти условія, готовъ все свести къ «вѣтхой брутальности» или «вѣроломству», къ русской «пассивности» и «бездарности», повторяю, не замѣчаетъ, что, по своей духовной сущности, по своему умственному складу, самъ онъ — потенциальный варваръ, примитивный, «средневѣковый» человекъ; что тѣми способами, какими онъ будто-бы ведетъ на почвѣ духовныхъ отношеній борьбу съ «варварствомъ» во имя «цивилизациі», онъ на самомъ дѣлѣ готовитъ торжество «варварства», независимо отъ того, кто, на почвѣ столкненія реальныхъ силъ, окажется побѣдителемъ. У жизни есть свой ритмъ. Пора напяркениости, ожесточенія, «активизма», «динамизма», культура насилия, не можетъ длиться безконечно. Такъ или иначе, будетъ достигнуто какое-то равновѣсіе силъ, въ области какъ внутреннихъ, такъ и внешнихъ отношеній; наступитъ пора благодунія, благопріятія — пусть и кажущихся —, благоденствія, благополучія — пусть и очень условнаго; какъ-бы то ни было, о «цивилизациі» беспокоиться уже не придется, иллія вытѣснить трагедию, «вожди» перестанутъ неистовствовать, ибо въ этомъ не будетъ надобности, а будутъ спокойно брести за стадами, мирно передвигающимися по пастбищамъ; ихъ функція сведется къ наблюденію за тишиной и порядкомъ, къ устройству парадовъ, юбилеевъ, произнесенію соответствующаго содержанія рѣчей и къ выслушиванію благодарственныхъ

адресовъ. Такіе моменты бывали въ періодъ первичнаго варварства. Почему нельзя ожидать ихъ и въ періодъ «вторичнаго»? «Варварство» это вовсе не непременно состояніе повальной грызни. Подчасъ она и невозможна. Это прежде всего состояніе безраздѣльно господствующаго ритуализма, добровольнаго, автоматическаго конформизма, это пора «слогановъ», клише, единообразія, полнаго отсутствія переживанія какой-бы то ни было «дистанціи», а въ силу этого — юмора, его нѣтъ и слѣда въ Библии, въ вавилонскихъ сказаніяхъ, въ первоначальныхъ слояхъ всякаго фольклора. И въ наши дни онъ встрѣчается все рѣже и рѣже. Это самый важный и самый тревожный симптомъ.

Основное отличіе «вторичнаго» варварства отъ «первичнаго» въ томъ, что «вторичное» вовсе, повторяю, не есть отказъ отъ «цивилизациі», т. е. рационализациі китайскихъ отношеній. Напротивъ это — апогей «цивилизациі». Первобытный человѣкъ представ-

лялъ себѣ всѣ сферы жизни на подобіе первой, самой тѣсной: семьи, рода —, а соответственно и организовывалъ ихъ. Теперь — обратное. Зоны самыхъ, казалось бы, интимныхъ, личныхъ, отношеній мыслятся по аналогіи съ зонами отношеній безличныхъ, тѣхъ, гдѣ господствуетъ «разумъ». «Аппаратъ» дѣйствуетъ всюду — въ семьѣ, въ домѣ, какъ и на фабрикѣ, въ канцеляріи, въ партійной ячейкѣ. Въмѣсто не-дифференцированнаго организма, чѣмъ — говоря это, разумѣется, являшъ съ грубымъ приближеніемъ, — было примитивное общество, создается, въ пору вторичнаго варварства, сложнѣйшій механизмъ. Уродливѣйшая комбинація никогда всецѣло не изжитыхъ анимистическихъ представленій съ достижениями разума приводитъ въ конечномъ итогѣ къ умерщвленію души. Исторія необратима. Замыканіе цикла, возвратъ къ исходной точкѣ это — смерть.

П. Биццалли.

Проблема вѣчнаго мира

Нынѣшнія событія постоянно сравниваютъ съ 1914-мъ годомъ: сравниваютъ число жертвъ за первые мѣсяцы войны, количество вооруженія, успѣхи военно-политической организациі и т. п. Такія сравненія очевидно подразумеваютъ нѣкоторый параллелизмъ между той войной и этой; подобная концепція однако совершенно неосновательна. нынѣшняя война вовсе не является повтореніемъ предыдущей, а ея прямымъ продолженіемъ. Война

возобновилась, послѣ 20-ти лѣтъ, съ тѣхъ позицій, на которыхъ была прервана *). Эта преемственная связь проявляется и въ быстро растущихъ толкахъ о европейской федерациі, о новой Лигѣ Націй, объ установленіи вѣч-

*) Особенно это наглядно въ вост. Европѣ, такъ какъ именно тамъ прошлая война не была доведена до конца, что и привело въ послѣднемъ счетѣ къ нынѣшнему ея эпилогу.